

Научная статья

УДК 930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Скандалист и доносчик: Лев Петрович Крыжановский, ординатор Омского военного госпиталя (по архивным материалам)

М. А. Калинин

Московский государственный университет

(Москва, Российская Федерация)

e-mail: mckalinin99@gmail.com

Аннотация. В настоящей публикации продолжено авторское исследование, связанное с каторжным периодом биографии Ф. М. Достоевского. Основанная на архивных и меуарных разысканиях, статья раскрывает личность еще одного представителя медицинского начальства Омского военного госпиталя — ординатора Льва Петровича Крыжановского. В ней исправляются ошибочные представления и выводы, сложившиеся вокруг этого имени и касающиеся сибирского окружения писателя. Благодаря воспоминаниям Юзефа Богуславского становится известно об однофамильце ординатора ссыльным поляке Кароле Крыжановском и его супруге Наталье Степановне Крыжановской — омской знакомой Достоевского, ставшей прообразом для бедной вдовы Настасьи Ивановны в «Записках из Мертвого Дома». Введенные в научный оборот архивные документы составляют портрет Л. П. Крыжановского. Это позволяет сопоставить его с данным в предыдущей публикации автора портретом ординатора Я. Я. Ловчинского и сделать выводы о прототипе соответствующего персонажа медицинского начальства в произведении. Кроме того, в найденных материалах проясняются некоторые детали следствия по доносу Крыжановского на главного лекаря Троицкого за «большое снисхождение и потворство политическим арестантам», известного по запискам Мартыянова, и описываются беспорядки в Омском военном госпитале, получившие отражение в «Записках...». Это дает возможность уточнить обстоятельства пребывания осужденных петрашевцев Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова на каторге.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Л. П. Крыжановский, Кароль Крыжановский, Н. С. Крыжановская, Троицкий, Юзеф Богуславский, Дуров, «Записки из Мертвого Дома», каторга, Омский военный госпиталь, прототип

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

Для цитирования: Калинин М. А. Скандалист и доносчик: Лев Петрович Крыжановский, ординатор Омского военного госпиталя (по архивным материалам) // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 103–119. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301

Brawler and Snitch: Lev Petrovich Kryzhanovsky, Resident of the Omsk Military Hospital (Using Archival Sources)

Mikhail A. Kalinin

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mckalinin99@gmail.com

Abstract. This publication continues the author’s research related to the Siberian exile period of the biography of F. M. Dostoevsky. Based on archival and memoir sources, the article reveals the identity of another medical doctor of the Omsk Military Hospital — resident Lev Petrovich Kryzhanovsky. It corrects the misconceptions and the erroneous conclusions about him and about the Siberian circle of the writer. The memoirs of Jozef Boguslavsky identify the namesake of the resident, an exiled Pole Karol Kryzhanovsky and his wife Natalia Stepanovna Kryzhanovskaya. She turned out to be Dostoevsky’s Omsk acquaintance, who became the prototype for the poor widow Nastasya Ivanovna in *The House of the Dead*. These archival documents introduced into scientific discourse elucidate a profile of L. P. Kryzhanovsky. This allows us to compare it with the profile of the resident Ya. Ya. Lovchinsky provided in the author’s previous publication and to draw conclusions about the identity of the prototype of the medical doctor in the book. In addition, the materials clarify certain details of the investigation into Kryzhanovsky’s denunciation of the chief physician Troitsky for “great commutation and indulgence for the political prisoners,” identified in Martyanov’s notes. They also describe the poor conditions in the Omsk Military Hospital, which were portrayed in *The House of the Dead*. All of the above provides an opportunity to fill in the gaps in the circumstances of the penal servitude of the Petrashevsky Circle members F. M. Dostoevsky and S. F. Durov.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, L. P. Kryzhanovsky, Karol Kryzhanovsky, N. S. Kryzhanovskaya, Troitsky, Jozef Boguslavsky, Durov, “Notes from the Dead House”, penal servitude, Omsk Military Hospital, prototype

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90021 Dostoevsky.

For citation: Kalinin M. A. Brawler and Snitch: Lev Petrovich Kryzhanovsky, Resident of the Omsk Military Hospital (Using Archival Sources). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 103–119. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5301 (In Russ.)

Каторжные впечатления Ф. М. Достоевского от военного госпиталя описываются на страницах четырех глав «Записок из Мертвого Дома», включая рассказ «Акулькин муж», подслушанный ночью в арестантской палате. В первом письме к брату Михаилу по выходе из омского острога писатель отмечает:

«Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко. Еще есть у меня ревматизмы в ногах. Кроме этого, я чувствую себя довольно здорово»¹.

Да и как рассказчик «Записок...» Достоевский признается, что «частенько» бывал в госпитале². Однако не секрет, что писатель попадал туда не только по причине «редко» случающегося припадка падучей³ и ревматических болей. Все понимали, что арестанту из дворян было тяжело переносить каторгу и каторжную работу. Благородное происхождение говорило само за себя: болезненность воспринималась не только как медицинское, но и как социальное явление.

Воспоминания современников Достоевского бесспорно свидетельствуют о благосклонном отношении врачей Омского военного госпиталя к осужденному петрашевцу. Среди них в первую очередь стоит упомянуть установленных прототипов медицинского начальства в «Записках...»⁴: главного лекаря И. И. Троицкого («человеколюбивого» и «честного» старшего доктора) и ординатора Я. Я. Ловчинского («ласкового» и «приветливого» ординатора); а также старшего фельдшера А. А. Аполлонова⁵ и фельдшера А. И. Иванова⁶. Писатель так же, как и другие арестанты, приходил в военный госпиталь «отдохнуть» от острожного житья-бытья, которое выносить было *сравнительно* тяжелее, чем содержание в арестантских палатах. Также не вызывает сомнений, что именно там, под покровительством Троицкого, Достоевский создавал и хранил свою «тетрадку каторжную», названную исследователями «Сибирской тетрадь».

Известно имя еще одного врача — ординатора Крыжановского. Однако мы не ставим его в один ряд с вышеперечисленными лицами, медицинским начальством, которое старалось всеми способами облегчить участь Достоевского на каторге. В записках П. К. Мартыянова «В переломе века» упоминается ординатор Кр—вский, донесший в Петербург на доктора Троицкого за «слишком большое снисхождение и потворство политическим арестантам»⁷. В итоге из Тобольска был прислан советник уголовной палаты барон фон Шиллинг для расследования этого дела, что, впрочем, не увенчалось успехом⁸:

«Но при всем том, что доктор Троицкий не был признан виновным, ему объявили строгий выговор, ординатора же Кр—ского перевели из Омска в другой госпиталь, расположенный где-то на дальней пограничной линии»⁹.

Важно отметить, что архивные разыскания М. М. Громыко подтвердили высокую степень достоверности записок Мартыянова, несмотря на их позднюю публикацию (1895 г.) относительно описываемых событий и беллетризованный стиль повествования. В документах имя фон Шиллинга действительно связывается с Тобольском и проведенными им ревизиями: «Из документов Главного управления Западной Сибири выясняется, что фон Шиллинг был в 1849–1850 гг. советником этого управления и провел ряд ревизий: позднее Шиллинг стал председателем Тобольского губернского суда» [Громыко: 32].

В «Записках...» описывается одна из них. Еще до визита ревизора в Омск по всему острогу разносится молва о «важномъ генералѣ», приехавшем из Петербурга ревизовать Западную Сибирь (623).

Известно также письмо А. И. Сулоцкого декабристу М. А. Фонвизину, датированное январем 1853 г. В нем учитель закона Божьего в Сибирском кадетском корпусе пишет о бывшем подчиненном Троицкого, враче Крыжановском, который «зорко» смотрит за действиями главного лекаря, находясь с ним «в непрерывной борьбе»¹⁰. При этом такой же отрицательный отзыв в этом письме получает и Ловчинский — наиболее вероятный, по мнению исследователей, прототип сочувственного образа ординатора в «Записках...». Но если о Ловчинском среди свидетельств существует только одна единственная негативная оценка, то о Крыжановском их оказывается больше. Из исследования Громыко мы узнаем: «Л. П. Крыжановский встречается и на страницах метрических книг Омска: в январе 1851 г. он был штаб-лекарем 6-го батальона (т. е. уже удален из госпиталя после ревизии, закончившейся в пределах 1850 г.); в той же должности он упомянут в августе 1852 г.» [Громыко: 31].

Тем не менее в достоеведении существует и иная точка зрения. В энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» С. В. Белова дана справка о некоем Владимире Степановиче Крыжановском — ординаторе омского госпиталя, брате Натальи Степановны Крыжановской. Автор убежден: «Однако это ничем не подтвержденное и скорее всего явно клеветническое измышление, так как не мог брат Н. С. Крыжановской, которая всю себя отдала помощи каторжникам, писать донос о “слишком большом снисхождении и потворстве политическим арестантам”, тем более что это был тот самый брат Н. С. Крыжановской, о котором она пишет в письме к Достоевскому 4 августа 1861 г., что он постарался доставить ей, пока она болела, “Записки из Мертвого Дома” (Достоевский и его время. 253). Кстати, об ординаторе, не называя фамилию, тепло пишет Достоевский в “Записках из Мертвого Дома”...» [Белов: 441].

Н. С. Крыжановская стала прообразом бедной вдовы Настасьи Ивановны в «Записках...», жившей в форштадте города, — примером «высочайшей любви къ ближнему» (476). Рассказчик описывает сцену встречи с ней по выходе из острога и с особым теплом и благодарностью упоминает ее в числе тех лиц, «которые кажется назначеніемъ жизни своей поставляють себѣ — братскій уходъ за “несчастливыми”, состраданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое» (475). В письме Достоевскому от 4 августа 1861 г. Наталья Степановна говорит о брате, доставившем ей четвертую главу «Записок из Мертвого Дома», но без указания его имени [Достоевский и его время: 253]. Брат прототипа Настасьи Ивановны из «Записок...», возможно, и не писал донос о потворстве политическим преступникам в арестантских палатах, но являлся ли он тем самым врачом-доносчиком из записок Мартьянова?

Благодаря сохранившемуся «Сибирскому дневнику» ссыльного поляка Юзефа Богуславского¹¹, впервые переведенному на русский язык А. Г. Подрябинкиной, мы почерпнули ряд неизвестных ранее деталей, касающихся личности Н. С. Крыжановской, но прежде всего — личности ее мужа, Кароля Крыжановского:

«Ale zanim zaprowadzę mego czytelnika [do Omska], chcę jeszcze chwilę zatrzymać się we wspomnianej stancy, zwanej Oczairiem. Znaleźliśmy tam ziomka, urodzonego na Podolu, służącego niegdyś w szeregach obrońców wyzwalającej się Ojczyzny w 1831 r[oku], a następnie zapędzonego, jak wielu innych, na Sybir. Z początku służył, jako żołnierz w 6 batalionie, a później, dosłużywszy się stopnia podoficera, został przeznaczony na stróża magazynu zbożowego do Oczairu. Nazywał się Karol Krzyżanowski (w 1850 r[oku] umarł w szpitalu w Omsku); miał żonę Rosjanę i dwie córki. Żona jego była córką pułkownika dyżurnego, oficera w sztabie głównym syberyjskiego korpusu; nazywała się Natalia Krywańko» [Polacy z Wilna: 93–94] («Но прежде чем я начну рассказывать об Омске, я хочу еще немного повспоминать станицу Очаир. Мы встретили там земляка, который родился в Подоле и служил в рядах защитников Отечества в 1831 г., а после, как и многие, был сослан в Сибирь. Сначала он был солдатом в 6-м батальоне, а потом, дослужившись до унтер-офицера, был определен сторожем магазина с зерном в Очаире. Его звали Кароль Крыжановский (в 1850 г. он умер в омском госпитале); у него была жена россиянка и две дочери. Его жена была дочерью дежурного полковника, офицера в главном штабе сибирского корпуса; звали ее Наталья Криванько» (здесь и далее курсив в цитатах наш. — М. К.))¹².

Итак, Кароля Крыжановского сослали в Сибирь как участника польского восстания 1830–1831 гг., и там он женился на офицерской дочери Наталье (Степановне) Криванько. Кроме того, в 1850 г. ссыльный поляк скончался в том же самом госпитале, в котором служил ординатором брат его жены, и, как выясняется из «Записок из Мертвого Дома», когда там находился Достоевский:

«Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпитальъ, въ арестантской палатъ въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной» (413).

Очевидно, брат вдовы с девичьей фамилией Криванько не мог быть Крыжановским. На основании каких источников Белов отождествляет его с ординатором Омского военного госпиталя Л. П. Крыжановским (инициалы которого были установлены М. М. Громько) и нарекает к тому же Владимиром — неизвестно. Отсюда вытекает вопрос: кем был ординатор Крыжановский?

Ответ мы получаем из материалов военно-исторического архива в Москве (РГВИА). Большой находкой стало девятитомное военно-судное дело штаб-лекаря Крыжановского за 1850–1853 гг. В нем представлена документация по ряду следствий, которые велись в разные годы его службы в Сибири. Этого оказалось достаточно, чтобы пролить свет на личность ординатора и дополнить контекст пребывания Достоевского в военном госпитале, который получил такое яркое отражение в «Записках из Мертвого Дома».

Главные сведения о жизни штаб-лекаря 6-го Линейного Сибирского батальона, титулярного советника Льва Петровича Крыжановского, по табличным ячейкам расписаны в его формулярном списке за 1850 г.¹³ Очевидно, он не являлся даже родственником Натальи Степановны, поскольку родились они от разных отцов; жену ординатора звали Анной Дмитриевной, а старшей дочери тогда было только 11 лет¹⁴. Сам Лев Петрович на 19 июня 1850 г. был в возрасте сорока лет. Он родился в Херсонской Губернии Александровского уезда и происходил из духовного звания, впрочем, как и его сослуживцы по госпиталю: главный лекарь И. И. Троицкий и ординатор Я. Я. Ловчинский, — что было распространено среди медиков в первой половине XIX в. [Калинин: 82]. Выходцем из этой же среды, кстати, был и отец писателя (как известно, М. А. Достоевский, прежде чем построить медицинскую карьеру, обучался в Подольско-Шаргородской семинарии). Первоначальное образование Крыжановский получил в Екатерининской духовной семинарии¹⁵, затем поступил в Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге в числе казенных воспитанников, откуда спустя три года из-за болезни вернулся на родину с одним только одобрительным аттестатом:

«...по хроническому катару, т. е. простуде легких, соединенному со страданием печени, произошедшему вследствие воспаления оной»¹⁶.

Как признается Лев Петрович, отвечая на вопросные пункты Военно-судной комиссии, родимый климат Малороссии повлиял на его скорое выздоровление и через год он вернулся к учебе, но уже — в Императорском Харьковском университете. Удостоенный звания лекаря I отделения, Крыжановский 17 декабря 1834 г. был определен на службу ординатором в Пермский военный госпиталь¹⁷. Через 2 года у него обострилось «хроническое страдание печени», что послужило причиной постоянных смен мест службы и отпусков для лечения: на Сергиевских и Кавказских минеральных водах. Но это не помогло вылечиться Крыжановскому. И 15 ноября 1841 г. он был вовсе уволен от службы с пенсией 100 рублей 5 коп. серебром¹⁸. Болезнь не позволила Льву Петровичу долго задержаться и на частной службе при Горном ведомстве. Он приехал в Петербург, где начал лечение гидротатией, или, как он также называет, «искусственными минеральными водами», и, на удивление, пошел на поправку. Так, по собственному прошению,

Крыжановский в 1843 г. был снова принят на службу Медицинским департаментом Военного министерства и определен в 6-ой Линейный сибирский батальон в город Омск, по прибытии в который прикомандирован в Омский военный госпиталь¹⁹. На этом месте, последовательно излагая свою биографию Комиссии военного суда, Лев Петрович делает следующее замечание:

«В этом-то госпитале начались мои, и притом в 1 раз на моей медицинской службе, притеснения и мои несчастья; и в нем желают довершить несчастья мои политической (гражданской. — М. К.) моею смертью»²⁰.

Так начался сибирский период службы Крыжановского — череда следствий и разбирательств как по военным, так и по гражданским судебным делам. Одно из последних — «за грубость против главного лекаря Омского военного госпиталя и другие поступки»²¹ — разместилось на сотнях листов бумаги Аудиториатского департамента и действительно стало для Льва Петровича, по его собственному выражению, своего рода политической смертью. Надо сказать, с начальством отношения Крыжановского не складывались в принципе, особенно в Омском военном госпитале. По его рассказу, в 1844 г. он навлек на себя ненависть главного лекаря Попова и корпусного штаб-доктора Милованова за то, что не боялся «о злоупотреблениях по аптеке Омского военного госпиталя говорить гласно; а по присяге и противодействовать злоупотреблениям настоятельно»²², и попал на две недели на гауптвахту. В 1848 г. по донесению уже главного лекаря Войткевича и того же самого корпусного штаб-доктора Милованова на Льва Петровича завелось следственное дело о неправильных действиях на службе, в итоге ему было велено «просидеть на гауптвахте один месяц с исправлением должности» — без внесения отметки в формулярный список²³. Крыжановский находился в конфликте с начальством и в других командировках по Сибири: по донесению полкового командира 2-го казачьего полка Алгазина он был подвергнут следствию, по окончании которого попал под особый надзор медицинского начальства, не снятый до конца его службы²⁴. Однако судить о справедливости обвинений, по словам обвиняемого, было бы пристрастно, тем более Лев Петрович не сознается ни в одном своем проступке, а красноречия и убедительности ему было не занимать:

«После сего, предав себя и службу свою воле Божьей, обиженный невинно до глубины души моей, поклялся исполнять службу с неусыпною деятельностью, бесстрашием и с самоотвержением, но с благоразумнейшею осмотрительностью, терпением и кротостью, не упуская, впрочем, из виду пользы страдальцев, лечившихся в Омском госпитале...»²⁵.

Для того чтобы составить более достоверный портрет ординатора Крыжановского, обратимся также к выводам следствия:

«...неоднократно подвергался взысканиям за нетрезвое поведение, неблагопристойные поступки и неисполнение обязанностей службы, и хотя 1 марта 1844 г., по предписанию бывшего командира Отдельного сибирского корпуса генерала от Инфантерии князя Горчакова, назначен ему был 4-х месячный срок для исправления в поведении, но он и после того в том же году три раза был штрафован за неисполнение обязанностей службы; по формулярному же и кондуктному спискам за тот год был аттестован строптивым в характере и часто подающим случай замечать упущения»²⁶.

Большой интерес представляет замечание по следствию 1847 г., поскольку оно полностью обесценивает высокую риторику штаб-лекаря:

«...в августе 1846 г. он был вновь прикомандирован к Омскому военному госпиталю, но в начале 1847 г. был удален из оногo к прежнему месту служения и подвергнут следствию, по коему признан был виновным: в дурном обращении с больными нижними чинами, из коих двум *назначил в виде наказания слабые порции*, одного рядового страшал шпицрутенным наказанием и одному больному нанес два удара по лицу...»²⁷.

Теперь не остается никаких сомнений, кто точно мог быть прототипом слишком уж смиренного ординатора в «Записках...», который «измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лекарства по ихъ же просьбѣ» (571): частый гость гауптвахты Крыжановский под это описание определенно не подходит, в отличие от Якова Яковлевича Ловчинского — «доброто и сострадательного человека», по свидетельству друга Достоевского А. Е. Ризенкампа²⁸.

Кстати, Лев Петрович подвергался обвинениям со стороны не только начальников, но и частных лиц. В 1848 г. на него поступает несколько жалоб: от соликамского мещанина Колмогорова о нанесении ему побоев за то, что тот не дал денег в долг²⁹; от младшего землемера Тобольского округа Карпова о том, что также нанес побои его матери; от чиновника Томыковского об украденном из его квартиры столовом белье, которое нашли при обыске у Крыжановского³⁰. А в 1849 г., исполняя в Семипалатинске должность карантинного медика, Лев Петрович был обвинен в стеснении торговцев «несвоевременной выдачею установленных свидетельств» при провозе их товаров через карантин³¹.

9 февраля 1850 г. Крыжановский в должности ординатора вернулся на службу в Омский военный госпиталь. Как раз тогда, когда там, в арестантских палатах, лежал Достоевский с самого начала прибытия в крепость³². И сразу за ординатором стали наблюдаться упущения:

«...оказался неисполнительным по службе: не делал больным перевязки, не в свое время приезжал и уезжал из госпиталя и небрежно вел скорбные листы...»³³.

А 23 марта 1853 г. главный лекарь И. И. Троицкий написал рапорт с представлением удалить ординатора Крыжановского из госпиталя «как медика, приносящего больше вреда, нежели пользу службе»³⁴. Так Лев Петрович попал под военный суд. По словам его начальника, он «предался нетрезвости до такой степени, что впал в белую горячку и был привезен в госпиталь для пользования от сей болезни»³⁵. Детали этой истории крайне любопытны. Началась она 3 марта, когда Крыжановский уже три дня не появлялся на службе. Троицкий предписал плац-майору Кривцову³⁶ вместе с командированным лекарем Вишневым найти и освидетельствовать ординатора. Обнаружили они Льва Петровича на его квартире в следующей обстановке:

«Г. Крыжановский, будучи в халате, обвязанный вокруг шеи и груди шерстяным шарфом, немедленно встал со стула, на котором он, вероятно, перед приходом нашим сидел за столом, пил и закусывал; ибо на этом месте имелись: водка в четырехугольном графине и на тарелках: хлеб, квашеная капуста и другие мясные закуски...»³⁷.

На вопросы незваных гостей он «отвечал самым невнятным произношением: “Вы видите, что я болен”». Лекарь Вишневский незамедлительно поставил диагноз «*delirium tremens pofatorum* — белая горячка — от чрезмерного употребления спиртных напитков»³⁸. Иронично, что, кроме Вишневого, освидетельствовать ординатора был отправлен плац-майор Кривцов, всем хорошо известный в остроге своим пристрастием к выпивке. В свое оправдание перед военным судом штаб-лекарь Крыжановский замечал:

«...какой гений шепнул им, что в четверугольном графинчике была водка, тогда как в графинчике был укус, и закуска поставлена была вовсе не для меня <...> а для моего семейства»³⁹.

Также подсудимый обращал внимание следствия на то, что молодой лекарь Вишневский по неопытности поставил диагноз только «из дрожания членов»⁴⁰, ничего не написав о спиртном запахе, и добавил, что в прежних местах службы его никогда не замечали пьяным. Для пущей убедительности Лев Петрович даже заговорил на латыни:

«Древнее философское справедливое изречение гласит: *a posse ad esse non valet consequential*⁴¹, т. е.: от возможного и вероятного к действительному не сильно заключение; и если Г. Вишневский и Г. Троицкий не знали философского сего изречения, то как медики твердо должны знать, что медицинские свидетельства, решающие часто судьбу подобного им человека, должны быть основаны [и по науке, и по здравому смыслу, и по справедливости, и по христианскому состраданию к ближним, и человеколюбию] не на вероятностях, а на фактах ясных, положительных, неопровержимых и совестливо справедливых»⁴².

Недаром Троицкий отмечал в рапорте, что «своими софистическими спорами»⁴³ Крыжановский отвлекает его и других врачей от полезных занятий. Впрочем, репутацию непьющего человека Льву Петровичу удалось спасти: никто из свидетелей не подтвердил, что у него был спиртной запах.

Но поводом к преданию Крыжановского военному суду стало другое обстоятельство:

«22 и 24 числа марта (1850 г. — М. К.) нанес ему, Троицкому, дерзкое оскорбление и грубости в том, что с азартом и криком упрекал его в незнании своих обязанностей, в неумении распознавать болезней, *в приеме в госпиталь людей совершенно здоровых, для увеличения будто доходов* его, Троицкого, причем, грозил ему пальцем, поднося оный близко к носу, и говорил, что он видит его насквозь и выведет на чистую воду»⁴⁴.

Последний упрек в адрес Троицкого особенно интересен. Совершенно понятно, что дурная слава Крыжановского как одного из первых доносчиков в Омске, о чем известно по запискам Мартьянова, небезосновательна. В военно-судном деле штаб-лекаря отрывочно всплыла история с доносом на главного лекаря, вызвавшая расследование барона фон Шиллинга. В рапорте Аудиториатскому департаменту военного министерства от 18 декабря 1851 г. Крыжановский, находясь уже под следствием, просит разрешение об отпуске в Санкт-Петербург для того, чтобы вылечить печень. Он замечает, что лечиться в Омском военном госпитале не может, поскольку опасается обид от Троицкого, вспоминая случай, когда Лев Петрович находился там в качестве пациента и главный лекарь покушался надеть на него «рубашу для сумасшедших с целью вывести из всякого терпения»⁴⁵. Штаб-лекарь объясняет почему:

«...в отмщение за то, что я огласил nepозволительные связи и сношения его с государственным преступником крепостным арестантом Дуровым, коему Г. Троицкий доставлял от себя *более полугода* чай, пищу, клецки и даже жирную свинину и держал его здорового в госпитале под предлогом болезни; следственное дело, чем кончилось, не знаю, но знаю, что оно не присовокуплено к военно-судному делу...»⁴⁶.

Как также выяснилось, это следственное дело называлось «о снабжении арестанта из политических преступников Дурова улучшенной пищей»⁴⁷. Оно было произведено по доносу подсудимого Крыжановского и решено некоторое время назад к 16 октября 1851 г. Выходит, следственное разбирательство по доносу ординатора Кр—вского из записок Мартьянова было в действительности. Правда, за снисхождение и потворство главного лекаря не политическим арестантам, а только одному политическому арестанту — С. Ф. Дурову, вместе с которым Достоевский был осужден по делу петрашевцев и сослан в Сибирь. И здесь важно обратить внимание на срок — *более*

полугода. Если вспомнить, что сосланные петрашевцы в феврале 1850 г. точно лежали в Омском военном госпитале, то донос произошел не раньше конца лета — начала осени, — видимо, как раз тогда, когда Лев Петрович там лечился. Именно в этом году в острог приезжал для расследования барон фон Шиллинг. Ординатор так или иначе контактировал с Дуровым и Достоевским с момента его прибытия на службу в середине февраля 1850 г. до предания военному суду в конце марта этого же года, а также в то время, когда он находился в военном госпитале по болезни (не исключено, что не один раз).

Значит ли это, что писатель отказывался от стола Троицкого? Очевидно, да. Иначе разве умолчал бы Крыжановский в своем доносе и о Достоевском? Согласно письму А. И. Сулоцкого декабристу М. А. Фонвизину от 11 февраля 1850 г., Достоевский действительно отказывался от пищи, предлагаемой ему главным врачом: «...г. Достоевский все в лазарете; главный врач Троицкий, по просьбе Ив. Викентьевича, толковал с ним, предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино; но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаще в лазарет и помещать в сухой комнате» [Громыко: 18].

О причинах можно только догадываться. Наводят на мысли следующие строки из рапорта Крыжановского:

«...дабы сокрыть непозволительные связи Г. Троицкого с важнейшим государственным преступником — связи, на кои смотрели все арестанты в госпитале, маловажные к явному их соблазну и к уважению важнейшего преступника Дурова...»⁴⁸.

Вероятно, автор «Записок из Мертвого Дома», который не хотел выглядеть «белоручкой» на каторжных работах и искренне не понимал, как можно не выйти на претензию вместе со всеми, «изъ товарищества» (655), не мог из совести позволить себе пользоваться привилегиями, которых нет у остальных арестантов.

Но что штаб-врач имел в виду под *увеличением доходов*? Жалованье для медиков было фиксированным и никак не зависело от числа пациентов. Очевидно, дело было в другом. Из исторического очерка «Столетие военного министерства: 1802–1902» известно, что в ходе ревизий госпиталей в период правления Николая I выявили массу различных злоупотреблений. Среди них в ходу была практика наживаться за счет различных фальсификаций расчетных записей о порциях. Например, приписывать к числу больных здоровых людей для получения дополнительных порций:

«Для сего записываются обыкновенно в число больных здоровые госпитальные служители, школьники, фельдшера, цирюльники и конторские писаря — иногда под названием хожалых больных»⁴⁹.

По «Запискам...» мы точно знаем, что старший доктор был не против принимать здоровых в пациенты, но не из корыстных формальностей, а из сострадания — как раз для того, чтобы они могли «отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякъ, вмѣсто голыхъ досокъ и наконецъ все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи» (573). Частица *будто* в следственном замечании намекает на неоправданность обвинения. В противном случае Троицкий впоследствии не удостоился бы такого высокого звания, как корпусной штаб-доктор.

Однако беспорядки в Омском военном госпитале, безусловно, были. Ординатор Крыжановский, уже в качестве пациента, на себе ощутил тяготы условий содержания больных. Сохранился его рапорт от 12 марта 1850 г. на имя главного лекаря Троицкого о беспорядках в Омском военном госпитале, ценный тем, что подтверждает документальность изображения «Записок...» и дополняет художественный образ военного госпиталя. Больной ординатор последовательно доказывает, почему в палатах не может быть чистого воздуха:

«... правда, что во всех больничных палатах есть оконные форточки для пропуска наружного воздуха, есть и камины, да много ли от них пользы? Форточки открываются не всегда и ночью постоянно закрыты; а в каминах, и то не во всех, поддерживается огонь не далее 12-ти часов утра, т. е. до обхода только госпиталя главным лекарем, и от самого обеда и ночью камины и мрачны, и холодны <...>. В коридоре холоднее, чем в палатах, а в ретирадных местах, к коим вход прямо из коридора, гораздо холоднее, чем в коридоре; представим (что и на самом деле есть) наддверные рамы в палатах опущены; следовательно, коридорный воздух будучи холоднее, а потому и гуще палатного по законам физическим точно так, как это бывает и при пожарах, стремится занять изреженно-теплое воздушное пространство — и потому в опущенные наддверные рамы и врывается в палаты; но это еще не беда; коридорный воздух — приглашенный гость — для пропуска его и устроены наддверные рамы; да то беда, что непрошенный вонючий, смрадный, неспособный ни для горения, ни для дыхания и поддержания жизни живых существ ретирадный воздух следом за коридорным как бы по пятам его пробирается в госпитальные палаты...»⁵⁰.

При том, что Достоевский лежал в особых, арестантских палатах, постоянно запертых, опыт Крыжановского абсолютно созвучен ощущениям рассказчика «Записок...»:

«Въ палатѣ былъ чрезвычайно удушливый, больничный запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными неприятными испареніями и запахомъ лекарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка» (559).

Но очевидно и различие в порядках арестантских палат: старший доктор обходил заключенных в одиннадцатом часу (571), а печка у них топилась почти весь день. В остальном впечатления Достоевского и Крыжановского схожи. Например, ординатор докладывает «о том, что в каждой почти палате можно найти полуздоровых людей, пристрастных к трубке»⁵¹. По его словам, если им не удавалось тайком от врачей покурить днем, то они делали это ночью. Вот что рассказывает об этом Горянчиков:

«Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, не исключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ и больные были почти всегда осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника госпитальнаго караула» (559).

Еще одно излюбленное ночное занятие бодрствующих больных, по словам Крыжановского, — «послушать сказальщика»⁵², отражение чего без труда можно найти в «Записках...» (вспомнив хотя бы главу «Акулькин муж»).

Однако Федор Михайлович, в отличие от Льва Петровича, не сетует на медицинское начальство и защищает его:

«Порядокъ этотъ шель разумѣтся не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ» (566).

Несомненно, художественной задачей автора «Записок из Мертвого Дома» являлось создание образа благородного и человеколюбивого врача и возведение его в национальный тип. Именно поэтому для Достоевского было немислимо взять за прообраз одного из своих героев ординатора Крыжановского. И смеем предположить, если бы Лев Петрович не был врачом, то он мог бы пополнить ряды таких начальников-самодуров в «Записках...», как плац-майор и поручик Жеребятников.

Так чем же закончилось военно-судное дело штаб-лекаря Крыжановского? Вероятно, чтобы смягчить себе приговор, ординатор принял такую позицию:

«...со 2-го по 26-е число марта (1850 г. — М. К.) одержимый желчною горячкой с припадками мрачайшей ипохондрии, уподоблялся я человеку, приговоренному к смерти; и по истинной чистой и благородной совести уверяю, что ни слов, ни действий, ни поступков своих с 2-го по 26-е число марта я не помню и бывшие проявления моего ума и свободной моей воли не признаю»⁵³.

Но следствие пришло к другим заключениям:

«Генерал Аудиториат, признавая, что подсудимый Крыжановский оказал дерзость против главного лекаря Троицкого не в припадке ипохондрии,

а вследствие крайне беспокойного характера, по которому подвергся и другим вышеизъясненным обвинениям, и что после всех испытанных начальством мер он не подает уже никакой надежды к исправлению, полагал отставить его, Крыжановского, от службы с тем, чтобы впредь в оную не определять, и, подвергнув его полицейскому надзору, воспретить ему на будущее время пользование больных так, как сам он в продолжение производства над ним дела доказывал, что часто подвергается припадкам ипохондрии, и из дела видно, что он беспечен в исполнении своих обязанностей и дурно обращается с больными»⁵⁴.

А 18 декабря 1852 г. последовала собственноручная Его Императорского Величества конфирмация: «Быть по сему»⁵⁵.

На основании архивных и мемуарных источников раскрыта фигура ординатора Л. П. Крыжановского. Это позволило нам обнаружить ошибочность мнения С. В. Белова о кровном родстве штаб-лекаря с Н. С. Крыжановской (Криванько), личность которой легла в основу образа Настасьи Ивановны в «Записках из Мертвого Дома», а также исключить вероятность его «прототипичности» персонажу ординатора, «котораго очень любили арестанты» (571). Уточнены детали следствия по доносу ординатора Крыжановского на главного лекаря Троицкого за «большое снисхождение и потворство политическим арестантам» (как оно упоминается в записках Мартыянова): на самом деле следственное дело имело отношение только к С. Ф. Дурову и называлось «о снабжении арестанта из политических преступников Дурова улучшенной пищей». Найденные архивные материалы составляют представление о порядках в Омском военном госпитале, что дополняет его художественный образ в «Записках...» и подчеркивает документальный характер произведения. Таким образом, прояснены обстоятельства пребывания Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова на каторге.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 170–171.
- ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 564. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Эпилепсия.
- ⁴ Более подробно о названных прототипах медицинского начальства в «Записках...» см.: [Калинин].
- ⁵ Если верить свидетельству П. К. Мартыянова, первые главы «Записок из Мертвого Дома» Достоевский начал писать в госпитале и хранил рукопись у старшего фельдшера Омского военного госпиталя (см.: Мартыянов П. К. В переломе века. (Отрывки из старой записной книжки). II. Морячки // Исторический вестник. 1895. Т. 62. № 11. С. 452). По архивным разысканиям М. М. Громыко, в годы каторги писателя эту должность занимал Алексей Аполлонович Аполлонов [Громыко: 34].

- 6 Г. А. Вяткин раскрыл имя фельдшера Александра Ивановича Иванова, опираясь на слова его сына — омского педагога Владимира Александровича Иванова. Тот рассказал, что его отец, исполняя должность фельдшера, передавал Достоевскому французскую газету «Le nord» от Троицкого (Вяткин Г. Достоевский в Омской каторге. По поводу 75-летия ссылки Ф. М. Достоевского в Сибирь // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 179).
- 7 Мартьянов П. К. В переломе века. С. 455.
- 8 Благодаря запискам Мартьянова до нас дошло свидетельство курьезной сцены допроса Достоевского следователем: «Политические арестанты, при допросе их, давали такие уклончивые иносказательные ответы, что следователь становился в тупик и только бранился. Так, Ф. М. Достоевский на сделанный ему следователем вопрос: не писал ли он чего-либо в остроге или когда находился в госпитале? — ответил: — Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю. — Где же материалы эти находятся? — У меня в голове» (Мартьянов П. К. В переломе века. С. 455–456).
- 9 Там же. С. 455.
- 10 ОР РГБ. Ф. 6. П. 3. № 67. Л. 25 об.
- 11 Прототип Б—кого в «Записках...».
- 12 Цитата из рукописного текста мемуаров Богуславского приводится в переводе А. Г. Подрябинкиной.
- 13 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 517.
- 14 Там же. Л. 518.
- 15 Екатеринославская духовная семинария — среднее духовное учебное заведение Екатеринославской епархии Русской православной церкви в городе Екатеринославе (ныне г. Днепр, Украина). Существовала в 1804 — ок. 1918 гг.
- 16 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 36 об.
- 17 Там же. Л. 517 об.
- 18 Там же. Л. 519 об.
- 19 Там же. Л. 521 — 521 об.
- 20 Там же. Л. 38.
- 21 Там же. Ч. 1–3, Ч. 5–9.
- 22 Там же. Ч. 1. Л. 38 об.
- 23 Там же. Л. 41 об.
- 24 Там же. Л. 40 об.
- 25 Там же. Л. 39 об. — 40.
- 26 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 1 — 1 об.
- 27 Там же. Л. 1 об. — 2.
- 28 См. Письмо А. Е. Ризенкамппа к А. М. Достоевскому от 10 марта 1881 г. // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 551. (Литературное наследство; т. 86).
- 29 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 4 об.
- 30 Там же. Л. 5.
- 31 Там же. Л. 5. — 5 об.
- 32 ОР РГБ. Ф. 6. П. 3. № 67. Л. 7 об.
- 33 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об.
- 34 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 2.
- 35 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об.
- 36 Прототип плац-майора в «Записках из Мертвого Дома».

- 37 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 20.
 38 Там же. Л. 20 об.
 39 Там же. Л. 47 об.
 40 Там же.
 41 Умозаключение от возможности к действительности не имеет силы (*лат.*).
 42 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 48.
 43 Там же. Л. 16.
 44 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 2 об. — 3.
 45 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 9. Л. 73.
 46 Там же.
 47 Там же. Ч. 5. Л. 113.
 48 Там же. Ч. 9. Л. 73 об.
 49 Исторический очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование Императора Николая I // Столетие военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1908. Т. VIII. Ч. II. С. 263.
 50 РГВИА. Ф. 801. Оп. 72. Отд. 2. Св. 421. Д. 44. Ч. 1. Л. 51 об. — 52 об.
 51 Там же. Л. 53 об.
 52 Там же. Л. 56.
 53 Там же. Л. 44.
 54 РГВИА. Ф. 395. Оп. 289. Св. 682. 1853 г. Д. 158. Л. 6 об. — 7.
 55 Там же. Л. 7 об.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя; РНБ, 2001. Т. 1. 573 с.
2. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с.
3. Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. 367 с.
4. Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 69–100 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (01.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501
5. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. Т. 4. 331 s.

References

1. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar'*: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteya Publ., RNB Publ., 2001, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
2. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky. 1850–1854]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
3. *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 367 p. (In Russ.)

4. Kalinin M. A. Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's "The House of the Dead" (Based on Archival Materials). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 69–100. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (accessed on October 01, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501 (In Russ.)
5. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta [Poles from Vilnius and Zemaitija in Exile. The Memoirs of Jozef Boguslavsky and Priest Mateusz Veit]*. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego Publ., 2016, vol. 4. 331 p. (Ser.: Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918)) (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Калинин Михаил Андреевич, студент **Mikhail A. Kalinin**, Journalism Student, Lomonosov факультета журналистики, Московский Moscow State University (ul. Mokhovaya 9с1, государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3777-9922>; e-mail: mckalinin99@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 14.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021